
С. В. ЛУРЬЕ

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В СОВРЕМЕННОМ АРМЯНСКОМ СОЗНАНИИ

В статье рассматривается проблема отношения армянского общества к России, а вместе с тем и к русским. Автор прослеживает динамику и основные тенденции изменения образа России (Российской империи, СССР) в контексте социально-политических событий истории Армении с опорой не только на литературные источники, но и на непосредственное наблюдение ситуации в перестроечный период.

***Ключевые слова:** Армения, Россия, этническая традиция, народное сознание, социально-политический контекст.*

Роль культурной темы в народном сознании

В этнической традиции постоянно присутствует культурная тема, остающаяся центральной для данного народа. В результате устойчивого переноса на реальность этой темы в сознании членов этноса создается парадигма, которую можно коротко обозначить как «условия существования». Культурная тема включается в картины мира различных внутриэтнических групп, а следовательно, в различные ценностные системы, в ходе истории этноса она может представлять в различных (вплоть до взаимопротивоположных) интерпретациях.

Встает вопрос не только о рациональности действия представителей этноса, но и об их психологической комфортности. Формы действия членов этноса соответствуют их восприятию мира. Поскольку в этнической картине мира реальность всегда схематизирована, а значит, искажена, то и действия людей для внешнего наблюдателя выглядят непоследовательными. Человеческое действие, становясь культурным феноменом, должно быть вписано в общую структуру бытия, а потому его рациональность понятна только внутри логики данной культуры.

Устойчивый перенос на какой-либо народ образа «покровителя» служит важнейшим условием действия этноса в мире и ведет к определенной интериоризации образа этого народа. Он становится одним из составных элементов внутриэтнического конфликта

и обыгрывается в его процессе как центральная культурная тема. Тогда образ «покровителя» сам может стать пусковым механизмом внутриэтнического конфликта или, во всяком случае, одним из важнейших конфликтогенных факторов. При этом сам конфликт протекает наподобие «драмы», и образ «покровителя», сколько бы он под сомнение ни ставился, в конечном итоге возвращается к своему исходному содержанию. В противном случае должен был бы радикальным образом трансформироваться образ «мы» – самоконцепция.

С Россией в армянской картине мира безусловно связаны сильные ценностные доминанты. В момент формирования современной армянской картины мира эти доминанты были очень значимы, иначе на нее не мог быть перенесен образ «покровителя». Но поскольку трансфер совершился и оказался весьма прочным, с образом России могли быть связаны разные, в том числе и противоречащие друг другу, ценностные системы. Образ России стал устойчивым компонентом самых различных моделей мира, позволявших выживать народу в экстраординарных обстоятельствах, а значит, предполагающих возможность психологического уравнивания позиций в крайне неблагоприятных обстоятельствах посредством резко очерченного и ярко выраженного образа «мы» и столь же значимого образа «покровителя». Эта схема не всегда могла реализовываться, но история армян показывает, что категория союзничества всегда была для них центральной, а наличие союзника всегда оставалось условием существования.

Традиционный образ русских в сознании армян

В наиболее чистом виде идеальный образ русских дан в книге Хачатура Абовяна «Раны Армении». Книга написана в эпическом жанре. Х. Абовян стал основателем современного армянского литературного языка, подобно тому как Н. М. Карамзин у русских. И как Карамзин создал доминирующую сегодня мифологию русской истории, так подобную мифологию, доминирующую в народном сознании армян по сей день, создал Абовян.

Представим несколько примеров из книги «Раны Армении», где этот образ сформулирован наиболее четко. Книга была написана в 1841 году, когда Армения уже несколько лет была присоединена к России, когда уже умерли все надежды на армянскую автономию в составе Российской империи, а армянские территории были распределены между несколькими губерниями. Так что в этой книге нет ни сиюминутного восторга, ни расчета на политическую

выгоду. А если добавить, что Х. Абовян находился в некоторой оппозиции к правящим в России кругам, то с полной уверенностью можно сказать, что автор не был рупором официоза. Эти слова были написаны Абовяном от сердца и крепко врезались в сознание многих поколений армян. Итак, несколько выписок.

«Храбрый дух русских спас нас» (Абовян 1977: 191). «Бог внял слезным мольбам армян, денно и ночью просившим, чтобы он послал им увидеть когда-нибудь русских и лишь тогда сойти в могилу, – и исполнил их просьбу... Свет креста и сила русского человеколюбия смягчали и самые скалы, – пустые и безлюдные поля Армении заселялись людьми, пользующимися ныне попечением русского народа, восстанавливающими вновь свою священную страну... Тоскующий взор армянина не увидит более слез, но увидит свою родину, на лоне ее возрастет армянское племя, насладится ее любовью и слепым завистникам делами своими покажет, что армянский народ не денег ради и не из-за выгоды преклонился перед именем русской державы, но стремится исполнить обет своего сердца, – для защитника веры его и народа не жалеть ни крови, ни жизни, ни родных детей... Ереван почувствовал крылья, когда русское войско в него вступило» (Там же: 261).

После написания «Ран Армении» Абовян прожил еще семь лет. В его литературной и личной жизни были и удачи, и невыразимая горечь. Нищета и застой национальной жизни углубили его духовную драму. Тем не менее непоколебимыми остались его русская ориентация и политические убеждения. Так была создана романтическая легенда. Легенда не только о России, но и о самих себе.

Армяно-русские отношения в ретроспективе

Тема России, безусловно, остается одной из центральных в армянской культуре (Агаян 1994; Барсегян 1989; Арзуманян 1978; Армяно-русские... 1978; Нерсисян 1956; Evans 1947; Arménie... 1996; Vertanes 1946; 1947; Suny 1993; Atamyan 1956; Goldenberg 1994). Если рассмотреть армянскую культуру XIX–XX веков в ретроспективе, то можно показать, какими способами в разные периоды различными группами внутри армянского этноса «обыгрывалась» эта тема. В истории Армении уже «русского периода» реальные интересы армян и русских сталкивались неоднократно, хотя обычно по не очень значимым поводам. Был момент, когда армяне и русские практически подошли к черте взаимных убийств (начало XX века, период правления на Кавказе администрации князя Голицына). Но каждый раз после определенных психологических по-

трясений армяне вновь возвращали России ее статус покровительницы армян.

Практически вся армянская культура последних двух веков – это череда армяно-русских конфликтов, частью только психологических, частью материализовавшихся в конкретных действиях, конфликтов, которые все без исключения заканчивались примирением. Если посмотреть на историю со стороны армян, то получится, что армяне все эти годы жили в постоянном психологическом напряжении, стремясь сохранить ту картину мира, где Россия была бы верной союзницей и охранительницей армян. Отсюда раздвоенность образа России – как попытка разграничения России обыденной и России как идеала. В начале XIX века армяне всеми силами старались помочь России овладеть Закавказьем. Среди русских генералов, возглавлявших закавказскую кампанию, были и генералы армянского происхождения: Валериан (Ростом) Григорьевич Мадатов (Мадатян) и Василий (Бергес) Осипович Бебутов. Армянские села выставляли на помощь русской армии свои отряды. Духовный лидер армян епископ Нерсес Аштаракецци, впоследствии католикос, призывал армян всемерно содействовать русским войскам, а с весны 1827 года принимал участие в боевых действиях. Естественно, армяне рассчитывали на признание своих заслуг в виде дарования Армении статуса автономии. Статус этот они не получили по не зависящим от них обстоятельствам. В конце 20-х годов XIX века произошло восстание в Польше, и Николай I пришел к выводу, что более ни одному народу в империи не следует давать автономии. Армения оказалась разделенной между несколькими губерниями, но армяне восприняли сложившуюся ситуацию с полным спокойствием. В тот момент образ «идеального русского», по всей видимости, сложившийся под сильным впечатлением долгожданного освобождения от исламского ига и описанный Хачатуром Абовяном, доминировал.

В течение следующих десятилетий образ России впервые начал двоиться. Это чувствуется и по русским источникам того времени: соседствуют упоминания о бытовой неприязни армян к русским и восхищение доблестной службой армян на благо Российской империи.

По всей видимости, еще в 70-е годы прошлого века армян начали подозревать в сепаратизме. В начале XX века русско-армянские конфликты по разным поводам сыпались как из рога изобилия: попытка закрыть армянские школы; попытка отчуждения имущества Армянской церкви; попытка громкого процесса

против партии Дашнакцутюн; попустительство массовым погромам армян со стороны кавказских татар (азербайджанцев). Со стороны армян – ряд террористических акций против представителей администрации князя Голицына (Лурье 1994). Но в целом в этот момент политика Армении вполне прорусская. Все до единой ставки были сделаны на Россию.

Затем началась новая историческая драма. В Турции – геноцид армян, в России – революция. Русские войска выводятся из Закавказья, а дашнаки и с ними все прочие армяне остаются предоставленными их собственной судьбе. Связь с Россией теряется. Впрочем, остался по крайней мере один русский, продолжавший дружить с армянами. Генерал А. И. Деникин, на дух не выносивший никаких сепаратистов и презрительно отказывавшийся от сотрудничества с какими бы то ни было национальными движениями бывших народов Российской империи, с дашнаками фактически находился в военном союзе. «По выражению одного из политиков того времени, Армянская республика со своими силами составляла 7-й корпус “Добровольческой армии”. Армян не покидала надежда на восстановление единой России, и со своей стороны дашнакское правительство помогало армии Деникина чем могло» (Иголкин 1998).

Следующим печальным эпизодом русско-армянских отношений был договор большевистского правительства с Мустафой Кемалем о том, что Россия отказывается от Карской области и Сурмалинского уезда. Взамен В. И. Ленин предполагал получить свободное судоходство через проливы. Армяне лишились еще одного клочка своей родины. Карабах отошел под юрисдикцию Азербайджана, а Зангезур остался в Армении только потому, что на тот момент хозяевами в нем были армянские генералы.

Русские в сознании армян в советский период

Все советские годы русские находились слишком близко, всегда вместе. У армян полностью исчез страх, что они могут уйти из их геополитики и культурных интересов. Это были не идеальные, а реальные русские, которые в определенных отношениях могли вызывать у армян недоумение и раздражение. Правда, и в спокойные для Армении времена русские продолжали восприниматься как дружественная и покровительствующая сила. Престижным считалось русское образование, детей предпочитали отдавать в русские школы, а в городах зачастую с младенчества старались обучать русскому языку раньше, чем армянскому.

Жизнь в составе империи (тогда – Советского Союза) воспринималась как желательная или даже как просто совершенно естественная. Империю любили не просто как гарант мира и спокойной жизни армян, не просто из восхищения сильным государством, ее любили из-за своей причастности к ней, как бы к ее тайне. Русский язык *хотели* учить как язык империи. Даже образ «турка-врага» превратился почти в абстракцию. Поэтесса Сильва Капутикян писала, отражая в своих стихах мнение многих своих соотечественников (Капутикян 1998):

Мне сказали тогда: погляди,
Как близка к Еревану граница,
Стоит лишь Аракс перейти,
И твой город, твой дом загорится.
Я сказала: не сыщут путей,
Слишком времени минуло много.
От турецкой земли до моей
Чрез Москву пролегает дорога.

Представление армян о себе сводилось теперь прежде всего к представлению о своей цивилизованности и культурности. Пережитая несколько десятков лет назад трагедия не забылась, но отошла на второй план. Это не были уже армяне, жаждущие мести, готовые отвечать кровью на кровь. Воспоминания о геноциде выражались более всего в ощущении себя жертвой дикости и бескультурности. Память о народных мстителях – фидайнах – почти исчезла, образ армянина, проливающего кровь, был почти недопустим. Возможно, причиной такого восприятия было не только забвение некоторых страниц своей истории, а ощущение внутренней победы.

Разделенный, переживший геноцид, разуверившийся было во всем и вся народ смог-таки создать свой город, свою столицу. Ереван, ставший точкой собирания армян, рассеянных по всему свету, смог начать новую страницу собственной истории, основать свой новый, не имевший аналогов в прошлом центр. Армяне построили потрясающе уютный город, где весь план, все строения (кроме неизбежных спальных районов, один из которых и поныне носит привычное русскому уху и странное для Армении название – Черемушки), все площади, парки, скверы были продуманы со вкусом и любовью и в каждый метр которого было вложено много человеческого труда. Город, казалось, действительно почти не думал о реальности. Это был период расцвета армянской науки, архитекту-

ры, скульптуры, литературы, живописи и поэзии. Творчество почти возводилось в культ. В ереванских кафе любили интеллектуальные разговоры, споры о проблемах творчества.

Все оборвалось в один миг – в ночь Сумгаита.

Карабахский конфликт: с кем он был?

А теперь обратимся к истории Карабахского конфликта, но не с политологической, а с этнопсихологической точки зрения.

Очевидно, что инициаторы народного движения в Армении и в Карабахе хотели воспользоваться теми возможностями, которые с их точки зрения предоставляла перестройка. Среди тех, кто начал Карабахское движение, даже среди его лидеров, существовала иллюзия, что они действуют по разрешению Москвы. Никогда номенклатура Нагорно-Карабахской области не подписала бы обращение к Верховному Совету СССР (февраль 1988 года) – документ, положивший начало Карабахскому движению, – если бы не пребывала в иллюзии, что делает это по рекомендации Центра. Но был еще один момент, который ощущался, хотя и завуалированно, с самого первого дня движения. Требование справедливости в Карабахском вопросе воспринималось как испытание империи на прочность. Причем отнюдь не для того, чтобы ее сломать, а, напротив, для того чтобы почувствовать ее надежность и свою защищенность. Карабах был символом справедливости. Степень выраженности мотивов собственно национальной борьбы осознавалась в тот момент еще минимально – армяне Армении имели слабое понятие о жизни Карабаха, между ереванцами и карабахцами существовал значительный антагонизм.

Чтобы понять, как Карабах мгновенно стал общенародным лозунгом, следует подчеркнуть, что в сознании ереванцев (именно ереванцев) идея империи и идея исторической справедливости сплелись причудливым образом. Перенос образа «покровителя» на Россию создавал иллюзию ее поддержки во всех сложных для армян ситуациях, в том числе и в национальных требованиях.

В ответ на открытые (и порой бурные, вплоть до рукопашной и даже с человеческими жертвами) выступления карабахских армян с требованиями выхода Нагорно-Карабахской области из состава Азербайджана и присоединения ее к Армении случился печально знаменитый погром армян в городе Сумгаите, одном из промышленных центров Азербайджана с этнически смешанным населением.

События в Сумгаите грозили повториться в других районах. Напряжение все росло, пока не привело к срыву через девять месяцев после сумгаитских событий, в самом конце ноября 1988 года, – насильственной депортации азербайджанцев из Армении, практически за три дня. Депортация стала пределом в психологическом конфликте между армянами и азербайджанцами. Он шел по нарастающей и разрешился депортацией. Дальше остался политический конфликт, потом военный, но не психологический. В армяно-азербайджанских отношениях на много лет вперед наступила «полная ясность».

Но в это время набирал уже силу армяно-русский конфликт. Этот конфликт автоматически вытекал из двойственности образа русских в сознании армян. Как только с армянами случилась беда, «идеальные русские», «русские *à la* Абовян» должны были бы немедленно появиться на арене действия, отомстить обидчикам и разрешить все армянские проблемы. Следующие несколько месяцев прошли под знаком ожидания их пришествия. Замедление объясняется только тем, что русские не знают, что с армянами приключилась беда. Из Армении в Россию хлынул мощный поток информации. Следующим этапом были забастовки (первые в СССР), быстро перешедшие в общереспубликанскую стачку. В забастовках люди участвовали исключительно с этой же целью – докричаться, обратить на себя внимание русских. Все время ожидалось, что русские вот-вот придут. Тогда начали появляться первые признаки обиды, первые симптомы конфликта. Союзные СМИ давали по их поводу только негативные комментарии. Конфликтность нарастала. Русские, можно было заподозрить, оказывались не такими «идеальными».

В июле 1988 года к общенациональной забастовке подключился крупнейший армянский аэропорт «Звартноц». Ее смысл объяснялся так: если русские могут не замечать остановки предприятий Армении, то не обратить внимания на остановку работы одного из крупнейших аэропортов Советского Союза невозможно. В глазах народа это была последняя отчаянная попытка докричаться до русских. На это правительство ответило репрессией. Сначала избивали пассажиров, совершенно случайных людей, прибывших в аэропорт и не знавших о забастовке. Ереван был вне себя. В этот вечер на площадях и улицах проклинали русских. Конфликт достиг своей первой кульминации.

А дальше произошло чудо. Среди пассажиров был один – ленинградец Сергей Фролов, который на следующий день заявил, что

готов публично дать показания обо всем, чему он был свидетелем. Ему каким-то образом удалось выскользнуть из центральной части аэропорта, он успел обежать его кругом и увидеть, как били пассажиров. Одного Фролова хватило, чтобы антирусская истерика вмиг затихла. Ереван взирал на него с восторгом. Наконец появился тот самый «русский *à la* Абовян», которого срочно показали по армянскому телевидению и предложили выступить на митинге. В Ереван были введены войска – для усмирения. Их встретили цветами. Друг другу объясняли: «Это наши дети». Им носили фрукты. Никакой дружественности солдаты не проявляли, но этому находили сотни объяснений, их оправдывающих.

Срыв

В Карабах также были введены дополнительные войска. Но если в Ереване отношения с ними вплоть до последних чисел ноября 1988 года оставались в целом мирными, то в Карабахе с лета 1988 года уже происходили первые столкновения армян с советскими войсками. В Ереване за этим последовал очередной антирусский всплеск. Общегородские митинги на площади перед Оперой, начавшиеся еще ранней весной, происходили почти ежедневно до глубокой осени, но тональность их изменилась.

Это уже очень сильный срыв. Его непосредственное разрешение – депортация азербайджанцев из Армении, немедленная, почти мгновенная, практически все было кончено за три дня. Организованность действия говорит о том, что армяне, для того чтобы пойти на непосредственное насилие, должны были в ином свете увидеть себя самих, отрешиться от прежнего сложившегося за десятилетия «имиджа». В те дни жажда мести стала главной движущей силой. Такой срыв мог произойти только в тот момент, когда армяне считали, что Россия навсегда их оставила, отвернулась от них, и прежняя картина мира как будто рухнула.

И здесь появляется новая линия конфликта – конфликт армян с миром вообще как таковым. 7 декабря происходит мощнейшее землетрясение, после которого несколько городов на северо-западе Армении оказываются в развалинах. Приезжает М. С. Горбачев. Он ведет себя так, что вызывает общую ненависть. Старик у развалин дома, где была погребена его семья, заявил в лицо Горбачеву, что требует Карабах. На весь мир Горбачев произнес, что это величайший цинизм. Здесь не было цинизма, это было отчаяние. Я слышала эту историю в пересказе ленинканцев. Я никогда не слышала рассказов о том, что он делал и что говорил. Рассказывали только,

как он смотрел. Видимо, этого было достаточно. Затем почти сразу последовал арест половины членов комитета «Карабах», остальные были арестованы в течение следующего месяца. Произошло несколько серьезных столкновений с войсками. Конфликт нарастал.

На его подъеме, в феврале 1989 года, появился лозунг: «Русские – это белые турки». Это была кульминация психологического армяно-русского конфликта. Русские были отнесены к врагам. Лозунг появился только раз, может быть, два, и снял напряжение. Кажется, что армяне сначала написали его, а затем уже прочитали. И пришли в ужас. Лозунг запрятали как можно дальше и постарались о нем забыть.

Впереди – гражданская...

В эти дни (апрель – май 1989 года) впервые появился навязчивый мотив гражданской войны. Гражданской, поскольку война с русскими воспринималась именно как таковая. Правильнее было бы сказать, что это был нарастающий ужас перед гражданской войной. А значит, уже тогда русские перестали восприниматься как враги, к чему дело склонялось зимой. Страшное слово было произнесено и отвергнуто народным сознанием. Острота конфликта спала, но сам конфликт продолжался. Вновь и вновь начал всплывать образ «русского *à la* Абовян».

В 1990–1991 годах Армения была во власти внутренних потрясений. Выборы парламента, регулярные столкновения по всей линии армяно-азербайджанской и армяно-нахичеванской границы, существование множества самодеятельных партизанских отрядов и групп. Это период наиболее героический даже не по событиям, а по самосознанию.

Армянские отряды (еще не армия) в Карабахе сражаются не столько с азербайджанцами, сколько с советскими войсками (был такой период в карабахской войне – и бои, надо сказать, были тяжелыми). Сейчас многие в Армении считают 1991 год последним годом, когда проявлялись антирусские настроения. Я помню, что, прилетая в Ереван, очень волновалась. Неприятно столкнуться с недоброжелательностью, с открытой конфликтностью. Но то, что я увидела, вовсе не было антирусским настроением. Хотя, может быть, это было еще хуже. Я увидела нарастающее ощущение абсурда.

Абсурдность чувствовалась во всем. Парни уходили на войну, фактически войну с русскими, а в городе была популярна песня со словами «Я российский солдат, прям и верен мой путь».

Это была действительно гражданская война, о которой говорили армяне и которой так боялись. И самое удивительное: когда она началась, отношение к русским не ухудшилось, а поразительным образом улучшилось. Я помню, в разгар войны был такой эпизод. В нескольких селах армянские отряды, значительно более боеспособные, чем азербайджанские, сдали позиции прежде, чем успел завязаться бой, поскольку вперед выступали русские – то ли солдаты, то ли наемники – и требовали от армян уйти. «А у нас нет обычая убивать русских».

В сознании армян того времени было следующее: воюя за свои интересы, они воюют за интересы русских, даже если те этого не понимают. С этого момента начинается новая страница армяно-русских отношений. Если до сих пор, несмотря ни на что, армяне ожидали просто помощи от русских, то теперь они делали то, что считали нужным, ожидая понимания лишь в будущем. Более правильно было бы сказать так: армяне стали ждать, что русские сами поймут, кто их друг и в чем состоят их интересы.

Референдум и независимость

На этом фоне шла агитация за выход из Союза, вот-вот (в сентябре 1991 года) должен был состояться референдум. Армения была единственной республикой, руководство которой выразило желание отделиться от Советского Союза с применением всех установленных на тот период юридических процедур, последовательное выполнение которых занимало несколько лет и в соответствии с которыми референдум оказывался только первым шагом, началом процесса. Еще весной 1991 года, когда проходил всесоюзный референдум по поводу сохранения Советского Союза и правительство Армении официально отказалось от того, чтобы республика в нем участвовала, неофициально был проведен опрос общественного мнения. Около 70 % опрошенных высказались за сохранение Союза.

Что-то должно было надломиться, чтобы армяне проголосовали за выход из Союза. Однозначность выбора Армении трудно объяснить чем-либо, кроме этого «гипноза». Ведь вся опасность независимости вполне осознавалась, а сама независимость ценилась не очень высоко ввиду печального исторического опыта Армении. Боюсь, армяне восприняли дело так, что русским надо, чтобы они отделились. Армения подчинилась.

Разрыв с Россией переживался довольно тяжело. Кожей ощущалась тоска расставания и обида за то, что русские этого так и не

поняли. Затем это настроение притупилось, смешалось с общим тревожным чувством. Наступил новый поворот в судьбе Армении – что там, за поворотом? Умудренные горьким жизненным опытом, армяне в независимость как таковую не верят. Слишком долго Армения была ареной соперничества держав, ею играли, как игрушкой. И сейчас она как ошестинившийся ежик...

С 1992 года начался рост ностальгии по России. В 1992–1994 годах можно было услышать рассуждения, что американцы не годятся русским в подметки и что «Россия – это воздух, которым мы дышим». Политика властей Армении в этот период умеренно анти-русская, они пытаются помириться с Турцией и найти себе покровителей среди западных держав. Но к народу Армении эта политика имела слабое отношение. В целом эти годы – период протрапии. Нищета. Один только хлеб на завтрак, обед и ужин. Но это еще не время, когда возникло ощущение, что Россия может окончательно отдалиться от Армении.

Оно пришло примерно в 1994 году. Возникло реальное ощущение того, что Россия не интересуется делами Армении и готова сбросить ее как ненужный балласт. Высказывания российских политических деятелей вполне поддавались такой интерпретации. После интервью посла России в Армении в газете «Голос Армении» была опубликована статья под красноречивым заголовком «Чужой посол родной России». Через месяц после нее – статья, давшая старт аналогичным публикациям на три года вперед (вплоть до весны 1998 года): «Какая Армения нужна России?».

Песни ереванских кофеен и ереванских маршруток

И вот тогда впервые в Ереване стала, как заклинание, звучать песня со словами: «Россия, я верю в твою силу. Узнаешь ты, где правда, а где ложь. Россия, наступит день, Россия, И ты святыне крылья обретешь». В тот год ее можно было слышать постоянно.

История тех песен, которые крутятся в ереванских маршрутках и кафе, очень увлекательна. Надо отметить, что в Ереване невероятное количество открытых кафе и в них играет музыка. Музыка звучит и в автобусах, маршрутных такси, – не всегда, но очень часто, гораздо чаще, чем в России. Крутится обычно то, что нравится хозяевам заведения, чаще всего небогатым, или шоферу. Поэтому до некоторой степени подбор песен отражает умонастроение простых людей.

В первые перестроечные годы в ереванских уличных кафе преобладали армянский фольклор и боевые песни армянских фидаи-

нов. Русская эстрада была, но наравне с модной англоязычной. Это была та же самая эстрада, что и в России. С 1991 года англоязычная эстрада практически исчезает. Русскоязычная меняется. Это либо грустные песни об ушедшей любви, либо бравые патриотическо-белогвардейские. Как я уже упомянула выше, последние звучали на фоне, когда армянские парни шли воевать против советских солдат, и это никого не смущало.

Примерно с 1992 года в ереванских уличных кафе звучали наравне с белогвардейскими песнями блатные. В течение следующих пяти лет русский «блатняк» составлял чуть ли не половину песенного репертуара Еревана. Солидный пласт составляли белогвардейские песни. Очень редко звучали армянские народные песни, но сохранилась армяноязычная эстрада. Очень немного – обычная русская эстрада, но вся в минорных тонах. При почти полном отсутствии англоязычных песен все более популярными становились французские песни и музыка, главным образом Джо Дассен и оркестр Поля Мориа (Шарль Азнавур – не в счет, так как он армянин и его слушали и слушают всегда).

Русские патриотические песни звучали все откровенней. В кафе на центральном проспекте любили гонять песенку: «Прощай, родная станица, эх, держись, заграница!» Однажды один из моих знакомых задумчиво прокомментировал: «Интересно, что по этому поводу должен думать честный эстонец». До прошлого года* включительно все чаще не в кафе, а в общественном транспорте стали звучать песни типа: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва». Вообще было много старых песен, эстрады 60–70-х годов XX века.

С песней же «Россия, я верю в твою силу» происходили просто чудеса. До 1998 года она звучала четыре года подряд постоянно. В 1996 году в начале лета беспрестанно крутилась песенка с примерно такими словами: «Не надо ехать в Штаты, здесь тоже можно жить богато, прости, мама, я русского люблю». Вдруг в один день песня исчезла из всех кафе, маршруток, магазинчиков. Недели три-четыре о России не было никаких песен. И вдруг снова: «Россия, я верю в твою силу».

В самом конце лета 1997 года был подписан российско-армянский договор (никогда бы не могла подумать, что на него так сильно будут реагировать простые люди) – снова в разных местах зазвучало: «Россия, я верю в твою силу». С этого момента исчезли тревожные песни, и «блатняк», и белогвардейские. В 1998 году 70–

---

* Статья писалась в 1999–2000 годах. – *Прим. ред.*

80 % уличных песен составляла обычная российская эстрада. Мне показалось это признаком спада тревожности, проявлением успокоенности, что Россия не уходит.

Если на улице провести опрос, вам скажут, что в России армяны обижают, что необходимо учить английский язык (теперь, когда русский язык в школах снова стал обязательным, так говорить легко). Но представляется, что уличная эстрада больше свидетельствует о подлинном настроении людей. Ведь когда выбирают, какую кассету вставить в магнитофон, не думают о том, как это будет оцениваться, что кто-то этот факт будет анализировать. Ее просто ставят для себя и своих посетителей, чтобы было близко душе. Почему в стране, где все твердят о необходимости знать английский язык, почти вообще не слушают англоязычных песен? Может быть, потому, что английский нужен для дела, а русские песни помогают расслабиться и выразить свое настроение?

Что пишут о России армянские газеты?

Чтобы объяснить, как армяне сегодня видят Россию и русских, я провела обзор армянской прессы. В анализе представлены русскоязычные газеты, которые читались ежедневно на протяжении трех месяцев 1998 года. Русскоязычные газеты в Армении – это не газеты для русских. Русских в Армении вообще немного. Они издаются армянами для армян же. Это дань традиции. По содержанию русскоязычные и армяноязычные газеты отличаются незначительно. Некоторые из русскоязычных газет очень популярны и весомы, например «Голос Армении». Также популярны русскоязычные «Урарту» и «Новое время». На русском языке выходит и официальная газета – «Республика Армения», имеющая и армяноязычную версию под тем же названием, по-армянски – «Айастан Арапетутюн», а также печатаются рекламные газеты. Имеется русскоязычная газета для бизнесменов, подобная издается и в Нагорном Карабахе. Русскоязычные газеты читают не менее, если не более, чем армяноязычные, и по качеству они обычно считаются лучше.

Можно классифицировать темы, которые так или иначе касаются России, следующим образом: антагонизм к США и НАТО; неприемлемость для Армении вытеснения России из региона Кавказа и Закавказья; констатация необходимости для России иметь в Закавказье союзника в лице Армении; претензии к России по поводу ее неоднозначной политики; констатация того факта, что именно Россия была и остается опорой и поддержкой Армении;

необходимость повышения статуса русского языка в армянских школах; тема Великой Отечественной войны; восхищение Белоруссией.

Остановимся на анализе последней темы – о Белоруссии, ибо появление ее симптоматично по двум причинам. Первая – это своего рода возрождение образа «идеального русского», вторая – попытка Армении осуществлять свою политику так, как бы ей этого хотелось, возможность для Армении адекватного внешнеполитического действия.

Армения по своему внешнеполитическому менталитету нуждается в дружбе, в тесных, почти «межличностных» отношениях. Армяне могут сколько угодно рассуждать в газетах о прагматическом союзничестве, на практике оно менее всего прагматично. Они очень любят говорить о партнерстве, но на практике просто не умеют вступать в отношения, которые в международной политике принято называть партнерскими. Для них реальны либо глубокая и длительная преданность союзнику, либо отношения сиюминутной выгоды.

В мире практически нет субъекта, с которым эта дружба для армян возможна, всерьез подружиться с Россией сейчас невысказано. И Армения выбирает «альтер эго» России – Белоруссию. Это попытка установить связь с «русскими *à la* Абовян», а через них – с Россией. Всплеск подобных публикаций наблюдался примерно с середины июня до середины июля 1998 года.

Образ Белоруссии предстает в совершенно идеальном свете. Ни в одной статье, где о ней упоминается, нет ни единой отрицательной характеристики. Все только в превосходных тонах. «Фраза “лицо кавказской национальности” в Белоруссии не произносится. В Белоруссии есть “выходцы с Кавказа и Закавказья”, но нет “лиц кавказской национальности”» (Торосян 1998). «На этой земле похоронено много воинов-армян, защищавших Белоруссию во время Великой Отечественной войны» (Тер-Саакян 1998).

«Моей Родине, моей Армении нужна сильная единая Россия»

Россия выглядит в современной армянской прессе скорее как неразумное дитя, которое не всегда правильно понимает свою же собственную пользу. Вот типичная цитата: «Создается впечатление, что Россия ищет друзей вовсе не там, где они есть. И именно по этой причине проигрывает все геополитические схватки» (Месропян 1998в).

В частности – в Закавказье. «Если Россия действительно хочет сохранить хоть часть своего влияния в Закавказье, то должна пойти на адекватные меры. Только вся беда в том, что она на это вряд ли способна. То есть все продолжится так, как шло до сих пор – по американскому сценарию и без Армении» (Месропян 1998а). Армения же остается в полной власти США. «У России положение безвыходное: пока Ельцин суетился вокруг “друга Билла”, США делали все, чтобы окончательно выкинуть его страну из Закавказья. В обстановке, когда поднять голос против Вашингтона не хватало сил, имело смысл помочь сделать это другим» (Месропян 1998б). Более конкретно – помочь Армении самой бороться за свои и российские интересы.

Сам факт союзничества с Россией сомнению не подвергается. «Так уж распорядилась ее величество история, что нет у нас партнера надежнее России. Если мы понимали это во времена мощи северного соседа, то просто невозможно отмахнуться от него в тяжелую пору его испытаний» (Месропян 1998е). «Моей Родине, моей Армении, нужна сильная единая Россия, иначе Турция за очень короткий промежуток времени превратит последние наши рубежи, последний кусочек армянской земли в одну из своих северных провинций» (Месропян 1998д).

Ложкой дегтя в бочке меда оказывается только слово «партнерство», которое в последнее время часто заменяется словом «союзничество». Но и здесь есть двойное дно. Когда о России говорят в положительном контексте, то говорят именно о партнерстве, и в принципе редко подвергается сомнению, является ли Россия хорошим партнером. Когда Россию ругают, то употребляют слово «союзничество». Сплошь и рядом лет пять уже, не меньше, под вопрос ставится, является ли Россия хорошим союзником.

Видимо, нынешняя степень близости и надежности в русско-армянских отношениях в глазах армян не тянет на союзничество в чистом смысле слова. Скорее, в данный момент армяне назовут своим союзником Белоруссию или даже Сербию, хотя с ними нет тесных связей. Зато есть связь душевная, которая отсутствует с Россией.

«Русская культура через язык»

В газетах оказались заметными по числу и по тону анализа материалы о статусе русского языка в современных армянских школах. «Господи, на какую ерунду были потрачены эти годы!.. И к чему в конце концов пришли? Достигли высокого уровня куль-

туры в рамках моноязычия? Напротив, в результате всех этих насилий и запретов нынешнее поколение не знает ни одного языка – ни армянского, ни русского... Семь лет били молотом невежества по национальной культуре. Семь лет на законодательном уровне заставляли людей жить по правилам, в том числе языковым, генетически им чуждым, потому что русофобия, даже на уровне языка, никогда всерьез не может быть понята и принята в Армении. И потому борцам с русскоязычием приходилось “огнем и мечом” выжигать “крамолу” и насильственно выдворять детей из русских классов. Никто за эти годы так и не понял, почему два языка – русский и армянский – развели по обе стороны баррикады, почему уважение и знание русского языка стало альтернативой любви и знанию национального. Но все это было сделано. И кто определит теперь себестоимость этой ошибки, кто подсчитает, чем обернулась для нации эта нелепая и невежественная борьба? Тем, что значительная часть интеллигенции, преимущественно русскоязычной, покинула Армению, увозя детей, которые уже вряд ли когда-нибудь вернуться. Тем, что мы потеряли целый пласт культуры и скорее всего уже необратимо. Тем, что улицы города украсили безграмотные надписи, в которых до неузнаваемости исковерканы не только русские, но и армянские слова. И наконец тем, что борьба с массовым русскоязычием обернулась так называемым англоязычием, усердно внедряемым во все сферы жизни» (Захарян 1998).

Здесь удивительно, что англоязычие объявляется вредным как бы само по себе, без доказательств и объяснения причин (скорее всего, оно просто раздражает автора письма в газету, учительницу русского языка, но раздражает оно не только ее), а также что хорошее знание армянского языка увязывается с хорошим знанием русского. Иначе почему ошибки в армянском языке объясняются недостаточным изучением русского? Но это в письменной речи. Устная речь довольно гладкая даже у детей. В настоящий момент русский в объеме двух часов в неделю считается обязательным в каждой школе, дальше все зависит от дирекции. В некоторых школах преподаванию армянского и русского языков отводится приблизительно равное количество часов.

Сожаление высказывается и по поводу сокращения преподавания русской литературы. «Огромный вред не только развитию, но и воспитанию подрастающего поколения нанесло исключение преподавания русской литературы из программы средней школы. Произведения русской классики, признанные и высоко оцененные во всем цивилизованном мире, утверждали идеалы высокого и пре-

красного. Чем можно заменить произведения Пушкина, Толстого, Достоевского?» (Арутюнян 1998). В настоящее время в обязательном порядке русская литература преподается только в течение одного года в армянских переводах, далее зависит от школы.

«Даже самое положительное явление имеет и отрицательную сторону»

С лета 1998 года популярной стала тема отрицательных сторон армянской независимости. Распад Союза рассматривается как негативное для Армении событие. Подразумевается, что попытка отдалиться от России, выйти из-под ее защиты для Армении была опасной. Несмотря на сомнительные результаты референдума, можно сказать, что большинство было бы радо, если бы тогда Союз устоял.

Газета «Голос Армении» ставит вопрос более остро. «Говоря о независимости, многие четко представляли себе лишь формальную сторону дела, хотя мы уходили от какой-никакой, но семьи. Страна, как и человек, не может жить бобылем... Любое (даже очень положительное) явление имеет и отрицательную сторону. Я не знаю, сколько мы в точности выиграли от независимости, но размеры ущерба представляются четко. Принято считать, что за годы правления Тер-Петросяна Армению покинуло около миллиона армян. Если хоть половина из них не вернется назад в самое ближайшее время (если дети пошли в школу в России – пиши пропало), то вовсе неясно, как оценивать основной итог последнего десятилетия» (Месропян 1998г). Прочитанная выше статья называется «Если б ты знал, как нам хочется домой». Эту фразу произносит в статье армянин, спасающийся от экономических неурядиц в России, «от которой совсем недавно отделились “в порыве независимости”», и терпящий «неизбежные плоды независимости в виде дубинок московского ОМОНа» (Там же). И так описана эта новая Москва, чуждая армянам, что возникает такое впечатление: под тем домом понимается «старая» Москва, «старая» семья народов, в которой у Армении было свое законное место.

И если прежняя (то есть русская) власть была к армянам либо безразлична, либо даже добра – армянам в этом смысле везло, и они вообще, надо признать, начали было всерьез отвыкать от дурного к себе отношения, – то очевидно, что хозяева «независимой» Армении будут обходиться с ней в своих корыстных интересах и без всяких церемоний. «Они называли нашу страну “островком демократии”, когда сотни тысяч людей покидали свои дома, чтобы спастись от голода и неустроенного быта. Они радовались

рождению поколения “молодых перспективных демократов”, когда эти перспективные не гнушались даже заказными убийствами...» (Месропян 1998з).

«За что мы не любим Америку?»

Несмотря на приведенные выше цитаты, прорусская тематика выражена в армянских газетах хотя и достаточно отчетливо, но относительно слабо. О России вообще немного публикаций. Свою роль, безусловно, играет неопределенность русско-армянских отношений. А вот тема антиамериканская, антинатовская, антизападная постоянна, очень отчетлива и сразу бросается в глаза. «Бесславно закончила свой путь когорта убежденных западников, так и не сумевших привить перевозносимые ими ценности на родной почве» (Месропян 1998ж).

Статья в «Голосе Армении» начинается с «лобового вопроса»: «За что мы не любим Америку? Вопрос мог казаться слишком грубым и прямолинейным, если не уточнить, что еще 10 лет тому назад он звучал бы просто абсурдно. Тогда еще давали о себе знать отголоски “холодной войны”, и главным врагом страны Советов, в составе которой мы имели честь состоять, несомненно, была Америка, которую мы, тем не менее, любили. Во всяком случае, относились к ней с определенной долей восхищения» (Месропян 1998и).

США предъявляется немалый счет за заведенный ими двойной стандарт, который выразился в поддержке сепаратистов в Косово, в поддержке Азербайджана и Турции, в давлении на Иран. И даже Турция, давний враг, воспринимается не сама по себе, а как орудие Америки: «Вряд ли в этом контексте уместно полагать, будто Турция блокирует Армению лишь по собственной инициативе: имеется достаточно фактов, подтверждающих, что без согласия с “боссом” Турция на откровенно агрессивные акции обычно не решается. Следовательно...» (Месропян 1998к).

Разрыв или воссоединение?

От газетных публикаций вновь перейдем к анализу реальной практики. Ереван 1998 года впервые за долгий период начинает немного походить на себя в доперестроечную пору. Ушли в прошлое годы повальной нищеты начала 90-х, годы без света и тепла. Импортные вывески поблекли и пооблупились, но большинство из них как-то забыли заменить новыми. Праздничность сменилась обычным ереванским уютом. И напряженное отношение к России почти сменилось тем спокойным, которое было до перестройки.

Армении удалось удержать Россию у себя, Армения как будто бы снова присоединилась к России.

Какова судьба государственной идеи и где находится центр национальной власти сегодня? Там, где находится идея. Если нацией управляет идея, то власть переходит в Ереван. Если нация управляется силой, то власть переходит в Степанакерт к воюющим легионам. Сегодня Ереван погрузился в глубокий вакуум идей, и только эхо воюющей армии Карабаха способно обеспечить стабильность и покой в Армении.

Какова судьба формирования новой политической философии? Может ли Ереван генерировать новую жизнеспособную идею, способную более ясно объяснить национальную реальность и навязываемую ему идею, рожденную в Карабахе? Или Еревану предстоит принять достоинство и величие выработанного в Карабахе нового видения?

Если это неприемлемо, то Ереван должен генерировать противостоящую идею более высокой пробы, способную стать более эффективной основой национальной политики (Саркисян б. г.). Каков будет образ России в этой идеологии? В контексте данной истории читатель может понять и современный психологический конфликт армян с русскими, а также то, что вопреки ожиданиям он не пошатнул в сознании армян образ России как покровительницы. То, что произошло в последнее десятилетие, происходило с армянами, по сути дела, не впервые. Если бы этот образ пошатнуть было легко, он рассыпался бы еще много десятилетий назад. Но именно миф о России, охраняющей армян от всех невзгод, России-матери, помог частично уничтоженному, частично рассеянному народу создать свой великий город – свой Ереван.

Этого мифа не было в Карабахе. Карабах помнит все. Помнит, что в русско-армянских отношениях всегда существовали приливы и отливы. Помнит, что за союзничество России армянам всегда приходилось бороться, что ее снова и снова приходилось прощать. Возможно, образ России для Карабаха не столь уж незыблем, как для Еревана, хотя Карабах всегда верно ей служил. Карабах помнит казацкие нагайки в 1905 году, а для Еревана дубинки в 1988 году оказались полной неожиданностью. За прошедшие десять лет Ереван уже успел почти забыть о них. Карабах видит реальность, а Ереван – свой идеал.

Но в психологической борьбе Еревана со Степанакертом (той острой борьбе, которая у любого народа разворачивается вокруг его основной культурной темы) победит Ереван. Ереван создаст

свой новый миф, потому что у армян всегда побеждает не реальность, а идеал, и это секрет их долгой жизни. Борьба между реальностью и идеалом – традиционный механизм внутриэтнического конфликта у армян. Весь армяно-русский конфликт, еревано-карабахский конфликт – это борьба с реальностью, в которой армяне жить не могут, в которой они бы не выжили.

Они хотели видеть «идеальных русских», и им удалось это даже тогда, когда реальные русские стреляли по ним. Полторы тысячи лет, живя под гнетом различных завоевателей, они страстно хотели увидеть Армению. И они увидели ее, они создали ее почти из ничего. Они верили в геройство и в ответ на геноцид, на презрение всего мира создали прекрасный город-памятник. Ереван победит потому, что не хочет верить реальности.

Литература

- Абовян, Х.** 1977. *Раны Армении*. Ереван: Советакан грох.
- Агаян, Ц. П.** 1994. *Россия в судьбах армян и Армении*. М.: Наука.
- Арзуманян, А. М.** 1978. *Здравствуй, Россия*. М.: Правда.
- Армяно-русские** отношения. Сборник документов. 1953–1990. Т. 1–4. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР.
- Арутюнян, А.** 1998. Эхо больших перемен. *Голос Армении* 30 апреля. № 45.
- Барсегян, Х. А.** 1989. *Так они жили*. Ереван: Айастан.
- Захарян, В.** 1998. *Новое время* 2 мая. № 395.
- Иголкин, А.** 1998. Независимое Закавказье: уроки 1917–1921 гг. *Голос Армении* 2 июня. № 59.
- Капутикян, С.** 1998. Есть слово толпы и есть слово народа. *Голос Армении* 7 марта. № 27.
- Лурье, С. В.** 1994. *Метаморфозы традиционного сознания*. СПб.: Тип. им. Котлякова.
- Месропян, Н.**
1998а. Без Армении. *Голос Армении* 30 апреля. № 45.
1998б. Вокруг «золотых яиц». *Голос Армении* 12 мая. № 50.
1998в. Дорогой Гейдар Алиевич. *Голос Армении* 9 мая. № 49.
1998г. Если б ты знал, как нам хочется домой. *Голос Армении* 4 июля. № 73.
1998д. Жив курилка. *Голос Армении* 7 марта. № 23.
1998е. Мосты и горизонты. *Голос Армении* 29 августа. № 97.
1998ж. Новые-новые, совсем непохожие на старых. *Голос Армении* 16 июня. № 65.

1998з. Пастыри в ожидании судного дня. *Голос Армении* 14 июля. № 77.

1998и. Синдром любви. *Голос Армении* 4 августа. № 86.

1998к. Эмбарго на вашу голову. *Голос Армении* 6 июня. № 61.

Нерсисян, М. Г. 1956. *Из истории русско-армянских отношений*. Ереван: Академия наук Армянской ССР; Ин-т истории.

Саркисян, М. *Ереван против Степанакерта*. (Рукопись.)

Тер-Саакян, К. 1998. Армения – Беларусь: нам можно и нужно дружить. *Республика Армения* 19 июня. № 113.

Торосян, К. 1998. Им говорили, что народ их полюбит. А народ все равно их не любит. *Урарту* 3–16 июля. № 25.

Arménie, Azerbaïdjan, Géorgie: l'an V des indépendances. La Russie 1995–1996. Coordination Roberte Berton-Hogge et Marie-Agnés Crosnier. 1996. Paris: Documentation française.

Atamyan, S. 1956. *Armenian Community*. New York: Philosophical Library.

Evans, S. 1947. *Frontier of Dollar Imperialism. The Story of Soviet Armenia*. London: British-Soviet Society.

Goldenberg, S. 1994. *Pride of Small Nations*. London; New Jersey: Zed Books.

Suny, R. G. 1993. *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press.

Vertanes, Ch. A.

1946. *The Armenian Question Today*. New York: The Armenian National Council of America.

1947. *Armenia Reborn*. New York: The Armenian National Council of America.